
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Лера Алма Рун

Хроники Рубежа: Прорыв за горизонт - Точка невозврата

«Автор»
2026

Алма Рун Л.

Хроники Рубежа: Прорыв за горизонт - Точка невозврата /
Л. Алма Рун — «Автор», 2026

До рокового штурма реактора «Омега» и смертельного обратного отсчета оставалось двадцать дней. В закрытом секторе комплекс «Олди» еще считали надежным щитом, а тревожные скачки на датчиках списывали на плановые сбои телеметрии.В этой истории Алексей Волков — еще не опытный первопроходец со взломанными протоколами допуска и модифицированным визором. Он — бывший инженер-технолог, только что сменивший белый халат на жесткий брезент полевой куртки. В его рюкзаке — простая аптечка, механический дозиметр и старый карабин, а в радиоэфире — обрывок зашифрованной военной передачи, зовущий вглубь зоны отчуждения.Чтобы распутать клубок событий, приведших к роковому прорыву, Волкову предстоит пройти через зловонные топи Заречья, пересечь грандиозное кладбище разбитых танков и инженерных машин «Титан», вскрыть гермодвери забытого бункера Х-11, где в полумраке операционных залов впервые открыло глаза то, что ученые опрометчиво назвали «чистой энергией».Здесь начинается путь к горизонту.

© Алма Рун Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Сигнал из ниоткуда: Внешний Обвод и радиоперехват 5
Глава 2 10
Бросок через Сухой лог и могильник «Титан» 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Хроники Рубежа: Прорыв за горизонт - Точка невозврата

Глава 1

Сигнал из ниоткуда: Внешний Обвод и радиоперехват

Игла механического дозиметра ДП-5 едва подрагивала, замирая у самого начала шкалы. Для человека, проработавшего пять лет за защитными свинцовыми стёклами комплекса «Олди», этот показатель казался почти курортным. Но воздух уже тогда пах иначе. В нём не было привычной донской свежести — только сухая, колкая резь, похожая на пыль от перетёртого в порошок кварца.

Алексей сидел на проржавевшем капоте армейского тягача, брошенного посреди высохшего солончака на границе южного сектора контроля. Под ногами хрустела мелкая кристаллическая соль, выступившая из растрескавшейся земли.

Шёл двадцатый день до катастрофы.

В радиоприёмнике старой войсковой рации Р-105, перепаянной для работы в широком диапазоне частот, царил мерный, усыпляющий треск белого шума. Официальные сводки штаба ликвидации бодро докладывали о штатном режиме работы контуров удержания и завершении третьего этапа герметизации грунтов. Всё выглядело так, словно локальный пробой в «Арборе» удалось загнать в надёжные бетонные рамки.

Внезапно стрелка индикатора настройки дёрнулась.

Шум стих, сменившись тяжёлым, плотным пульсирующим фоном. Это был не обычный треск эфира — динамик издал низкий, вибрирующий звук, похожий на медленные удары гигантского механического молота глубоко под землёй. А затем сквозь фон прорезался надрывный, искажённый помехами человеческий голос:

— …семьдесят третий, ответьте штабу… Скважина одиннадцать фиксирует самопроизвольный рост давления… Температурный датчик не отвечает, показания термопар зашкаливают… Они не остановили реакцию, слышите?! Оно растёт снизу! Оно жрёт катализатор и…

Звук захлебнулся яростным свистом высокочастотного разряда. На секунду металлическая антенна рации вспыхнула призрачным голубоватым огнём, и пальцы Алексея обожгло статическим ударом.

Связь оборвалась. Рация снова зашипела ровным, безучастным шумом.

Волков медленно опустил гарнитуру. Взгляд инженера скользнул к горизонту, где над бескрайними степными балками и далёкими силуэтами заводских труб поднималось странное, неестественно плотное облако цвета запёкшейся крови.

Там, в глубине запретной полосы, за могильниками техники и ядовитыми топями, умирал подземный испытательный стенд Х-11 — глубинная скважина вегетационного сектора «Арбора», из которой комплекс «Олди» качал первородную материю. И если предупреждение неизвестного оператора было правдой, часы для всего сектора уже начали свой неумолимый ход.

Алексей застегнул клапаны брезентовой куртки, закинул за спину потёртый карабин и спрыгнул с капота на растрескавшуюся землю.

Первый шаг вглубь зоны заражения был сделан…

Лера Алма Рун

Память человеческая устроена милосердно: со временем она сглаживает ледяной ужас пережитого, оставляя лишь сухие строчки отчётов и рубцы на теле. Но Алексей Волков помнил каждую секунду того дня, когда его прежняя жизнь окончательно обратилась в радиоактивный шлак. Позже, спускаясь в пылающие недра реакторного блока «Омега» и вручную переписывая константы гибнущей реальности, он не раз возвращался мыслями к этой точке отсчёта. Туда, где до апогея катастрофы в научном комплексе «Олди» оставалось ещё почти три недели, а зона заражения на восточных границах Ростовской агломерации только пробовала свои ядовитые зубы. Тогда, в конце промозглого октября, Внешний Обвод контроля ещё казался временной мерой. Заражённая земля не сразу обнажила свою чудовищную пасть — поначалу она лишь усыпляла бдительность новоприбывших обманчивой, вязкой тишиной. Земля в низинах Аксайского пойменного сектора тяжело дышала прелым торфом, смытым с полей мазутом и горьким запахом жжёного феррита. Сырой, студёный туман полз от притоков Дона, клубился между ржавыми остовами оросительных систем и въедался в шерстяные воротники штормовок, оседая каплями конденсата на стылом металле оружия. За рядами наспех натянутой спи-

рали Бруно и контрольно-следовой полосой глухо гудели армейские дизельные станции, гоняя мутные желтоватые лучи прожекторов вдоль разбитой насыпи. В брошенных совхозных бараках и полусгнивших саманных мазанках ютились первые нелегальные искатели — разношёрстная публика, выбитая из колеи эвакуацией. Они глушили страх спиртом-сырцом, травили наивные байки о лёгких богатствах, оставленных в брошенных лабораториях, и вздрагивали всем телом от каждого металлического скрежета или протяжного волчьего воя, доносившегося из чернеющих балок. Волков держался особняком. Бывшему ведущему инженеру-технологу материаловедческого сектора было не по пути с теми, кто искал в зоне лёгкой наживы. Он знал истинную природу того, что происходило за бетонным периметром «Олди», и знал цену человеческой беспечности. Его временным пристанищем стал полуразрушенный чердак зерносушильного комплекса заброшенного элеватора. Это была идеальная точка наблюдения: сухой дубовый настил под шиферной крышей, узкие щели технологических амбразур, выходящие на степную полосу, и, главное, высота. Высота позволяла поднять самодельную антенну из медного кабеля над уровнем радиопоглощающей влажной низины. На коленях Алексея лежала вскрытая радиостанция — тяжёлый войсковой гетеродин, спаянный со схемой снятого с машины промышленного детектора поля. Паяльник, питаемый от щелочной батареи, чуть дымил, распространяя смолистый запах канифоли. Волков бережно подкручивал латунный верньер контура настройки, вслушиваясь в плотный, шуршащий гул эфира. Обычные каналы молчали либо захлёбывались монотонными автоматическими сводками штаба ликвидации: стандартные формулировки о «локализации химической утечки» и «плановых инженерных работах» вызывали у Алексея лишь горькую усмешку. Внезапно стрелка микроамперметра на лицевой панели дёрнулась влево и замерла в упоре. Шум эфира не просто утих — он мгновенно схлопнулся, будто невидимая ладонь перекрыла кислород самой атмосфере. Наушники обожгло низким, утробным гулом на частоте, где никакой гражданской или войсковой передачи быть не могло по законам физики. Воздух на чердаке за секунду наэлектризовался так, что волоски на предплечьях встали дыбом, а язык ощутил кислый медный привкус разлагающегося озона. Из мембраны наушников, пробиваясь сквозь свистящие фазовые искажения, донёсся сдавленный, хриплый человеческий шёпот. Голос звучал отрывисто, с глухими металлическими паузами — так говорит человек, у которого за спиной рушится мир: — …контрольный ствол номер четыре… Мы заблокированы на минус шестом горизонте подземного сектора «Арбора»… Реакция синтеза катализатора не погашена, поле расширяется вглубь пласта… Автоматика сошла с ума, гермозатворы падают произвольно… Пакет «Омега-ноль» запущен, но таблицы дешифратора остались в терминале узла связи… Без физических ключей ядро разорвёт через… Передачу разорвал истошный, свистящий вой короткого замыкания колоссальной мощности. В ту же секунду медный ус антенны над крышей озарился призрачным сине-фиолетовым коронным разрядом. По кабелю ударил обратный ток; из трансформатора приёмника брызнул сноп ярких белых искр, ослепив Алексея и наполнив чердак удушливой гарью палёного шеллака. Волков сорвал наушники, тяжело дыша. Глаза слезились. Пакет «Омега-ноль». Внутренний протокол высшего приоритета, о существовании которого в «Олди» знали не больше десятка ведущих специалистов. Это не была банальная утечка радионуклидов — в недрах испытательного сектора рушился сам физический каркас удержания аномальной плазмы. Тот самый процесс, который спустя считаные дни выльется в смертельный обратный отсчёт на сто сорок четыре часа. Но главное было в другом: в перехваченном обрывке прозвучали точные координаты технического коллектора подземного комплекса Х-11, соединявшегося с центральными залами «Арборы». Алексей торопливо потянулся за блокнотом, чтобы зарисовать затухающую сетку частот, как вдруг снизу, со стороны въездных ворот элеватора, донёсся резкий, чужеродный звук — тяжёлый, ритмичный хруст гравия под подкованной армейской обувью. Волков среагировал мгновенно, подчиняясь уже выработавшемуся за дни выживания инстинкту: выключил рубильник питания и бесшумно опустился на колени, при-

жавшись глазом к щели между рассохшимися досками перекрытия. Во внутренний двор бывшего зернохранилища входила группа из трёх человек. Они разительно отличались от местных бродяг и растерянных беженцев. На них были серые комбинезоны из плотного негорючего арамида с усиленными накладками, тяжёлые штурмовые бронежилеты с керамическими бронепанелями и шлемы с панорамными визорами. На правом плече каждого красовался трафаретный шеврон — оскаленный волчий профиль, вписанный в разорванный стальной обруч. Это были штурмовики синдиката «Седого» — самой закрытой, технически оснащённой и безжалостной частной военизированной группировки, действовавшей в теневом секторе заражения по прямому заказу неизвестных корпоративных структур. Шедший во главе — сухой, высокий оперативник с глубоким шрамом через висок и тактическим глушителем на стволе карабина — остановился у тлеющей бочки с мусором, где грелись двое местных оборванцев. Бродяги вжались в кирпичную кладку, не смея поднять глаз. — Слушать команду, — не повышая голоса, но с ледяным металлом в тоне произнёс командир наёмников. — Седой платит золотом и чистыми медицинскими пайками. Нам нужен любой полевой радиопеленгатор или кустарный приёмник, работавший в секторе последние двадцать минут. Кто сдаст оператора, перехватившего технический импульс из глубоких пластов, получит пропуск в чистую зону и пятьдесят тысяч наличными. Кто решит скрыть или попытается уйти в ночь через Аксайские протоки — ляжет в канаву с простреленным затылком. Время пошло. Один из наёмников жестом приказал второму занять позицию у ворот, а сам вскинул карабин и медленно, шаг за шагом, направился к наклонному металлическому трапу, ведущему на чердак зерносушилки. Луч его мощного подствольного фонаря вонзился в темноту лестничного пролёта, выхватывая паутину и заржавевшие шкивы приводов. Сердце Волкова глухо стукнуло в рёбра. Синдикат шёл по пятам с опережением всех прогнозов. Седой перехватил тот же импульс и понял его значение, но из-за плотной завесы степной ионизации их сканеры не сумели засечь точные координаты точки сброса данных, зафиксировав лишь примерный район элеватора. Теперь боевики методично зачищали квадрат, готовые выпотрошить любого радиста ради доступа к недрам «Арборы».

У Алексея оставалось меньше полуминуты.

На столе перед ним лежал аварийный субблок приёмника — выгоревшая микросхема с чудом уцелевшим чипом памяти, куда автоматически запечатался фрагмент перехваченного частотного пакета «Омега-ноль». Если отдать её наёмникам, можно было попытаться выторговать себе жизнь и снаряжение. Но инженер внутри Волкова мгновенно перечеркнул этот вариант: профессионалы Седого не оставляли свидетелей такого уровня. Как только данные расшифруют, лишнего специалиста просто ликвидируют.

Оставался второй путь — отчаянный и предельно рискованный.

Сзади, за пыльными коробами зерноочистителей, чернел узкий технологический лаз аварийного мусоропровода, выходивший в старый ливневый дренаж под фундаментами комплекса. Оттуда начинались непроходимые, гнилые топи Заречья и затопленная железнодорожная ветка к южным солончакам. Туда не совался ни один разумный человек: радиационный фон там стоял плотный, а в густом камыше уже бродили первые аномальные порождения заражённой поймы.

Но выбора наёмники ему не оставили.

Алексей бесшумно извлёк микрочип из гнезда платы и спрятал его в защитную капсулу во внутреннем кармане брезентовой куртки, застегнув клапан на две кнопки. Туда же отправился сложенный вчетверо блокнот. Паяльник полетел в бункер с вековой зерновой пылью, не издав ни единого звука.

Скрипнула нижняя ступень лестницы.

— Выходи на свет, радист, — глухо донеслось из пролёта сквозь фильтрующую коробку наёмника. — Мы знаем, что ты здесь. Не делай глупостей, Седой умеет ценить мозги.

Волков не ответил. Перехватив поудобнее карабин, он бесшумным скользящим движением протиснулся в холодный зев наклонного жестяного короба и оттолкнулся ногами от перекрытия.

Гладкое ржавое железо обожгло ладони ледяным холодом. Тело стремительно скользнуло вниз по отвесной трубе во тьму, сдирая брезент о металлические заклёпки. Секундой позже над чердаком сухо и оглушительно хлестнула автоматная очередь: наёмник всадил десяток пуль в фанерные щиты, проверяя темноту над головой.

Алексей с глухим всплеском рухнул на дно бетонного водосборника, по пояс погрузившись в ледяную, маслянистую жижу. В нос ударил резкий запах сероводорода и болотного метана.

Где-то наверху загремели сапоги по металлу трапа и захрипела радиостанция боевиков:

— Первый, он ушёл по дренажу в сторону балки! Перекрывайте внешнюю насыпь!

Тяжело дыша сквозь сжатые зубы, Волков поднялся на ноги, стряхнул с лица липкую чёрную тину и вскинул оружие. Впереди, в проломе подземной трубы, начиналась непроглядная, клубящаяся испарениями топь. Путь к закрытому комплексу Х-11 был открыт, и этот путь пролегал через самое сердце оживающей зоны заражения.

Глава 2

Бросок через Сухой лог и могильник «Титан»

Выбравшись из заиленного водосброса за внешней насыпью элеватора, Алексей Волков почти ползком преодолел первые три сотни метров открытой низины. Здесь, в пойме заброшенных мелиоративных каналов, властвовал густой, как кисель, белесый туман. Он не рассеивался даже под порывами жёсткого восточного ветра, дувшего со стороны Сальских степей. Этот туман не имел ничего общего с обычной утренней сыростью: в горле першило от терпкого привкуса озона, а открытые участки кожи на лице покалывало мелкими электрическими уколами.Приземистые камышовые заросли уступали место растрескавшимся такырам и выжженным пятнам солончака. Земля здесь звенела под подкованной подошвой ботинок, словно чугунная плита.Волков сверился со стрелочным механическим компасом в массивном латунном корпусе: обычная электроника в этом секторе уже начинала врать, сбивая цифровые экраны рябью паразитных наводок. Стрелка компаса подёргивалась, но устойчиво тянула на северо-запад — к глинистым обрывам Сухого лога. Там, в глубоком естественном каньоне, промытом древними донскими протоками, начинался старый технологический коридор к законсервированному объекту Х-11.Через два километра ровная солончаковая степь оборвалась крутым глинистым уступом.Внизу, в котловине лога, застыл могильник «Титан».Зрелище выглядело колоссальным и зловещим памятником началу катастрофы. На дне балки в три плотных ряда стояли брошенные тяжёлые инженерные машины разграждения, гусеничные тягачи с навесными экранами биозащиты, военные траншеекопатели и разбитые армейские бронетранспортёры первого эшелона ликвидации. Металл за считаные недели покрылся не обычной рыжей ржавчиной, а странным, шероховатым чёрным налётом, напоминающим окалину после термического удара. Резиновые бандажи на катках техники растрескались и оплавились, превратившись в бесформенные спёкшиеся комья.Над могильником стояла глухая, неестественная тишина, нарушаемая лишь сухим потрескиванием статического электричества на ржавых антенных штырях.Волков опустился на правое колено у кромки обрыва, снял с плеча оптический монокуляр с поляризационным фильтром и медленно повёл им вдоль днища лога.Инженерный расчёт требовал хладнокровия. Прямой путь по дну балки между рядами бронетехники сокращал дистанцию втрое, но прибор фиксации плотности поля на груди Алексея уже сейчас тревожно тикал, отсчитывая двадцать микрорентген в секунду сверх нормы. Однако радиация была наименьшей из угроз.В сотне метров впереди, прямо между двумя застрявшими в солончаке тяжёлыми тягачами БТС-4, воздух над землёй заметно подрагивал. Это не было обычным тепловым маревом: оптические лучи преломлялись с резкими угловыми искажениями, создавая иллюзию разорванного, ступенчатого пространства.Алексей наблюдал такое явление впервые на полигонных испытаниях в «Олди», когда экспериментальный контур накачки выходил из резонанса. В полевых условиях это была нестабильная микрогравитационная аномалия — локальный сдвиг давления, где градиент сжатия нарастал от периферии к центру по экспоненте. Попади человек в такой фокус, плотная среда переломает кости за долю секунды, словно под гидравлическим прессом.Внезапно в тумане на противоположном гребне лога мигнул короткий, резкий отблеск линзы.Волков мгновенно вжался в глинистый грунт, затаив дыхание.Через окуляр монокуляра он разглядел нависающий над каньоном железобетонный каркас старой эстакады силовых кабелей. На её верхней площадке залегли двое. Матовые шлемы, радиопрозрачные накидки с термокамуфляжем, короткоствольные карабины на сошках. Передовой дозор синдиката Седого. Наёмники выставили секрет на господствующей высоте, перекрывая оптикой и тепловизорами всю открытую котловину.Они не рисковали

лезть в заражённую низину сами, ожидая, пока преследуемый выйдет на открытое пространство солончака.— Грамотно перекрыли створ, — едва слышно пробормотал Волков, прикидывая сектора обстрела.Сверху по открытому склону двигаться было самоубийством: тепловизор на эстакаде засечёт температурный контраст живого тела на холодном грунте за восемьсот метров. Единственная мёртвая зона для их оптики лежала на самом дне лога, под прикрытием многотонных стальных корпусов инженерных машин. Но чтобы войти в эту слепую зону, требовалось пройти впритирку с аномальным разломом.Алексей вытащил из бокового кармана ремкомплекта пробник — утяжелённую капсулу-маркер на прочном шнуре, штатный прибор полевой проверки нестабильных сред, знакомый ему ещё по аварийным полигонам.Пригнувшись к земле, Волков начал спуск по крутой осыпи, скользя ботинками по сырой глине и цепляясь свободной рукой за сухие корни полыни. Каждый метр давался с трудом: мелкие камешки норовили сорваться вниз с предательским стуком. Оказавшись у заднего бронелиста первого тягача, Алексей замер, восстанавливая сбитое дыхание.Воздух внизу пах раскалённым кварцем и серным ангидридом. Стрелка индивидуального сигнализатора поля задрожала, приближаясь к красной черте.До укрытия под нависшим ковшом инженерного путепрокладчика оставалось пятнадцать метров. Ровно посередине этого пятачка дрожало преломление света.Волков плавным движением кисти бросил пробник вперёд по низкой дуге.Маркер пролетел метров семь штатно, но едва пересёк невидимую границу полутораметровой зоны, как его полёт резко надломился. Капсулу не просто притянуло к земле — невидимый удар чудовищной силы буквально впечатал её в солончак с сухим хлопком, выбившим фонтанчик серой каменной крошки; шнур в руке дёрнулся и обмяк. По ленте самописца на предплечье пробежал острый пик.— Очаг статический, радиус захвата — один и восемь десятых метра, — холодно зафиксировал в памяти Волков, выбирая шнур.Обойти ловушку справа мешал развороченный борт второго тягача, из которого торчали острые пучки арматуры и висели рваные экраны радиационной защиты. Слева оставался узкий зазор шириной едва в метр между гусеничной лентой путепрокладчика и зоной критического градиента.В этот момент над балкой раздался характерный треск: с эстакады наёмников в небо ушла осветительная ракета на парашюте. Яркий магниевый факел вспыхнул под низкими тучами, заливая всю котловину мертвенным белым светом и отбрасывая длинные, пляшущие тени от сотен застывших стальных машин.Снайпер на мосту менял сектор наблюдения.Ждать больше было нельзя. Сгруппировавшись, Алексей рванул вперёд, вжимаясь левым плечом почти вплотную в холодную, маслянистую сталь траков путепрокладчика.Воздух справа мгновенно загустел, превратившись в вязкую, сопротивляющуюся массу. Барабанные перепонки сдавило резким скачком атмосферного давления, в глазах потемнело, а металлические пуговицы на куртке с силой потянуло в сторону аномалии. Инженер заставил себя не делать резких движений, не ускорять шаг, выдерживая строго рассчитанную траекторию по кромке устойчивого слоя грунта.Шаг. Ещё один. Тяжёлый вдох через нос.Гравитационный захват попытался зацепить край брезентовой куртки, натянув ткань до треска нитей, но через два метра плотная зона внезапно отпустила. Волков рыбкой метнулся под нависающий стальной нож путепрокладчика и упал на спину, прижав карабин к груди.Над головой, ударив по броне тягача, сухо щёлкнула пуля снайпера. С опозданием на две секунды с эстакады докатился приглушённый глушителем звук выстрела. Наёмник стрелял наугад, среагировав на смазанное движение в тепловизоре, но тяжёлая броня советской машины надёжно прикрыла инженера.— Мимо, — сквозь зубы выдохнул Алексей.Он лежал в тёмной технологической нише под днищем гигантской машины. Тусклый свет тлеющей осветительной ракеты едва пробивался сквозь хитросплетение гидравлических шлангов и тяг.Оглядевшись, Волков заметил прямо под днищем путепрокладчика прямоугольный стальной люк, наполовину засыпанный вымытой грунтовыми водами щебёнкой. Крышка была сдвинута на пару сантиметров, и из темноты подземного проёма тянуло ровным током холодного, сухого воздуха со знакомым запахом машинной смазки и консервационного лака.Это был аварийный колодец техно-

логического кабельного коллектора, шедшего вдоль всей оси Сухого лога прямо к внешнему периметру подземного объекта Х-11.Сверху на эстакаде залаяли команды наёмников: патруль Седого понял, что цель проскользнула сквозь открытый сектор, и начал спуск в котловину лога на зачистку могильника. Времени оставалось не больше двух минут.Уперевшись ногами в опорный каток машины, Алексей налёг спиной на край чугунного люка. Ржавый металл с глухим скрежетом подался в сторону, открывая чёрную вертикальную шахту со скобтрапом, уходящим на глубину десяти метров.Волков протиснулся в лаз, перехватил фонарь и, ухватившись за скобы, стал быстро спускаться в подземелье, захлопнув за собой тяжёлую стальную крышку.Тяжёлая чугунная створка захлопнулась с глухим, сдавленным звоном. На миг наступила абсолютная, давящая темнота, пахнущая лежалой минеральной ватой, пересушенным бетоном и свинцовым суриком. Где-то наверху, сквозь многосантиметровую броню путепрокладчика и слой грунта, глухо стукнуло: наёмники Седого добрались до днища машины.Алексей замер на узкой металлической скобе, вжав плечи и почти не дыша. Пальцы в прорезиненных перчатках намертво вцепились в холодную рифлёную сталь трапа. Наручный дозиметр в замкнутом пространстве колодца перестал захлёбываться истеричным треском и успокоился до редких, методичных щелчков фона штатного уровня. Очищенный бетон колодца держал внешний фон надёжно.Сверху раздались сдавленные голоса, пробившиеся через вентиляционный зазор горловины:— След обрывается у траков, командир! — крикнул один из наёмников. — Грязь свежая, сбита на катке. Он где-то под брюхом машины сидит!— Не лезь вслепую, придурок, — резко отозвался второй, чей голос звучал глухо из-под фильтрующей коробки штурмового шлема. — Забыл, что на склоне висит? Тепловизор рябит от статики, здесь гравитационный сдвиг в полутора метрах. Швырнешь гранату — нас самих этой волной в лепёшку размажет. Осматривайте грунт!— Люк здесь, командир! Замят щебнем, но сдвинут!— Вскрывай. «Клык», приготовь термитный заряд. Выжжем эту нору к чертям, если не захочет вылезать сам.Ждать подтверждения приказа Волков не стал.Перехватив карабин поудобнее, он заскользил вниз по скобам, перебирая ступени с выверенной скоростью монтажника-высотника. Подошвы берцев коснулись рифлёного настила кабельного коллектора на глубине десяти метров ровно в тот момент, когда над головой скрежетнул сдвигаемый люк и в жерло шахты ударил слепящий белый луч тактического фонаря.— Эй, внизу! — рявкнул наёмник, и эхо заметалось по бетонной трубе. — Бросай ствол и ползи наверх, если жить охота! Седой два раза предлагать не станет! Считаю до трёх!Алексей не ответил. Он даже не обернулся. Вжав голову в плечи, инженер сделал два длинных бесшумных шага в темноту коридора и юркнул за массивную стальную раму кабельной эстакады.Сверху сухо, часто застучали выстрелы. Очередь из автомата с глушителем полоснула по металлическим скобам трапа, высекая снопы белых искр и рикошетя от круглых бетонных тюбингов. Пули с противным визгом впивались в пол и рвали толстые жгуты обесточенных высоковольтных кабелей. Запахло жжёной резиной и выбитой цементной крошкой.— Пусто! Он ушёл в горизонтальный ствол! — донеслось сверху.— Бросай фальшфейер и за ним вдвоём! Живым брать, суку, пока не сдал частотные ключи!Волков щёлкнул тумблером налобного фонаря, переведя диод в экономичный режим узкого луча. Перед ним открылась бесконечная прямая кишка технического коллектора диаметром метра два с половиной. Вдоль стен на мощных оцинкованных полках тянулись толстенные армированные магистрали: силовые линии, трубы аварийного водяного охлаждения и витые пары сигнальной телеметрии, уходящие в темноту в сторону комплекса Х-11.— Четыреста метров по прямой до распределительного узла, — вслух прошептал Алексей, припоминая схему подземных коммуникаций, которую зубрил ещё в проектном отделе «Олди». — Если они пустят следом собаку или термобарическую гранату — здесь будет братская могила. Нужно отрезать створ.Он побежал. Шаги глухо отдавались от чугунных сегментов обшивки. Под ногами хлюпала застоявшаяся маслянистая вода, не поднимавшаяся выше щиколоток. Через каждые пятьдесят метров на стенах попадались полусгнившие аварийные рубильники и таблички с

выцветшей трафаретной краской: «Сектор 4. Кабельный ввод Х-11. Внимание: автоматическое пожаротушение углекислотой».Внезапно Алексей резко затормозил, едва не поскользнувшись на скользком слое ила.В тридцати метрах впереди коридор перегораживала странная картина. Воздух в тоннеле больше не был прозрачным: он клубился плотными нитями, светящимися бледно-зелёным фосфоресцирующим светом, похожими на гигантскую, колышущуюся под лёгким сквозняком паутину. Эти нити свисали с потолка, оплетали кабельные лотки и дрожали с тонким, едва слышимым стеклянным звоном.— Пьезо-сетка… — выдохнул Волков, медленно отступая на полшага назад.Это не было обычной плесенью или органикой. Это был результат конденсации тяжёлых аэрозолей в зоне ультразвукового резонанса. Кристаллические нити кремниевого полимера, насыщенные остаточным статическим зарядом чудовищной плотности. Тронь такую нить живым телом — и накопленный потенциал в десятки тысяч вольт разрядится мгновенно, превратив сердце в обугленный комок, а лёгкие — в пепел.Сзади, из вертикальной шахты, раздался тяжёлый металлический стук: первый наёмник уже спрыгнул на настил и уверенно хрустел битым бетоном, приближаясь.— Вижу его! Впереди, в секторе переходов! — крикнул преследователь. — Стой, радист! Мордой в воду, стреляю на поражение!Щёлкнул затвор автомата.Времени на расчёт траектории обхода не оставалось. Инженер сорвал с разгрузки второй пробник и быстро оценил геометрию тоннеля. Пьезо-сетка тянулась полосой метров на шесть, перекрывая весь поперечник, но прямо под потолком проходила толстая, пятидюймовая стальная труба пожарного сухотруба, покрытая толстым слоем замазки.— Посмотрим, чему вас учили в штурмовых группах, — процедил Алексей.Он развернулся полубоком, вскинул свой карабин и, целясь не в приближающихся наёмников, а в толстый навесной замок на пожарном распределительном шкафу у стены, нажал на спуск.Грохот выстрела в замкнутом пространстве ударил по ушам с силой разорвавшегося снаряда. Пуля с визгом разнесла ржавую петлю шкафа, и тяжёлая металлическая дверца со скрипом распахнулась, обнажив вентиль магистрального баллона с углекислотой высокого давления.Не теряя ни доли секунды, Волков коротким ударом приклада сшиб предохранительную чеку с редуктора и со всей силы крутанул маховик вентиля на три оборота против часовой стрелки.Тоннель наполнился оглушительным ревом. Сжатый под давлением в полторы сотни атмосфер углекислый газ с бешеным шипением вырвался из сорванного патрубка, мгновенно создавая плотную ледяную завесу белого пара с температурой минус семьдесят градусов.— Что за хрень?! — донёсся панический крик наёмника, захлебнувшийся в свисте выходящего газа. — Он баллон сорвал! Ни черта не видно! Стреляй вслепую!Хлестнула автоматная очередь, но пули ушли веером по потолку, рикошетя от арматуры.Резкий перепад температур и ударная волна газа сделали своё дело: хрупкие кристаллические нити пьезо-сетки от холода потеряли структурную прочность. Они затрещали, рассыпаясь миллиардами мелких, искрящихся электрическими разрядами хлопьев. Статический заряд, накопленный в аномалии, начал хаотично закорачиваться сам на себя.— Ложись! — заорал второй боевик позади.Воздух в тоннеле вспыхнул ослепительной дугой короткого замыкания. Серия высоковольтных хлопков, похожих на взрывы петард, прокатилась по лоткам с кабелями. Волна ионизированного пламени прокатилась назад, в сторону наёмников, ослепляя их и сжигая чувствительные матрицы приборов ночного видения.Сквозь грохот разрядов и шипение газа Волков, закрыв лицо мокрым рукавом ватника и пригнувшись к самому полу, где ещё оставалась прослойка пригодного для дыхания воздуха, рванул сквозь разрушенную аномалию. Ледяной газ обжигал кожу, искры сыпались за воротник, но путь вперёд был чист.Пробежав ещё двадцать метров, Алексей упёрся в глухую стальную преграду — массивную взрывозащитную гермодверь с круглым штурвалом ручного задраивания, ведущую в предбанник третьего горизонта Х-11.Инженер навалился на штурвал всем весом. Механизм, не смазывавшийся годами, застонал, шестерёнки неохотно провернулись на один зуб, затем ещё на один. С тихим шипением пневматики тяжёлая плита отошла на полметра. Волков протиснулся внутрь и с обратной стороны налетел на

запирающий рычаг, заклинивая его стальным уголком, подобранным с пола.С той стороны тоннеля в гермоброню с глухим ударом врезалась автоматная очередь, но для сорокамиллиметровой легированной стали эти пули были не опаснее гороха.— Открывай, сука! — яростно заколотили в дверь прикладом. — Из этой норы ты не выйдешь живым! Мы взорвём вход!— Взрывайте, — негромко, переводя дух, ответил Алексей в толщу металла. — Здесь расчётное давление на прорыв — двенадцать атмосфер. Скорее тоннель над вами схлопнется.Он вытер пот со лба, оставив на щеке чёрную полосу копоти, и огляделся.Коллектор кончился. Перед ним открывался широкий, выложенный ребристыми железобетонными плитами дезактивационный шлюз бункера Х-11. Аварийное освещение здесь едва тлело тусклыми красными плафонами, работавшими от резервных аккумуляторов. Воздух был стерильным, мёртвым и тяжёлым, со стойким привкусом озона.А на дальней стене шлюза, прямо под огромным выцветшим табло «Контур охлаждения 2», мерцал жёлтый транспарант терминала управления, на котором непрерывно пульсировала одна-единственная короткая строка:«ВНИМАНИЕ. ТЕПЛОВОЙ РАЗГОН СТВОЛА: 84%. ДО ЛОКАЛЬНОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ФАЗЫ — 84 ЧАСА».Волков знал эту цифру наизусть — она ползла в закрытых сводках ещё до его отстранения. Расчётчики института бились над нею неделями: реакция в стволе Х-11 шла нелинейно, то замирая на плато, то вздёргиваясь на новых витках. «Локальная критическая фаза» означала лишь одно: через трое с лишним суток расплав выжжёт удерживающие пакеты ствола и прорвётся в коллекторы, связывающие Х-11 с глубинными залами «Арборы». А дальше в игру вступит автоматика высшего приоритета — пакет «Омега-ноль», перехваченный им вчера на чердаке элеватора: попытка загнать пробой в бетонные рамки ценой 144-часового обратного отсчёта всего контура удержания. Штаб ликвидации еще не понимал, что эти два таймера — не два бедствия, а одна цепная реакция: катастрофа, расколотая на два акта. Первый разгорался здесь, под его ногами. Второй — в реакторном блоке «Омега», в который Волков ещё не верил, что успеет войти.Обратный отсчёт неумолимо ускорялся. Волков снял карабин с предохранителя и шагнул вглубь мёртвого бункера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.